

НЕТЕРПѢНІЕ ТОЛПЫ.

Графа Виллье-де-Лиль-Аданъ *).

(Пер. съ франц. И. А.).

«Прохожіи! Поди и объяви въ Лакедемонѣ, что мы здѣсь и что мы мертвы, потому что повиновались его священнымъ законамъ».

Симонидъ.

Тяжелое крыло главныхъ воротъ Лакедемона стояло на отмашь и, прислонившись къ камнямъ стѣны, точно мѣдный щитъ къ груди воина, открывало взорамъ Тайгетъ. Пыльный скатъ холма алѣлъ отъ холодныхъ огней заката, и его выжженная пологость отбрасывала на стѣнѣ Геракла кровавый отблескъ той гекатомбы, которая творилась тамъ, въ тайникахъ безжалостнаго вечера.

Надъ силуэтомъ портика тяжело поднималась городская стѣна. На ея убитомъ гребнѣ была толпа, вся красная отъ заката. И отблескъ желѣзныхъ доспѣховъ, и пеллсы, и колесницы, и острія пикъ, все играло въ кровавыхъ лучахъ свѣтила. Только глаза людей были темны и они упорно метали взоры острѣе, какъ копыя, на вершину горы изъза которой ждали важнаго извѣстія.

Два дня тому назадъ триста спартацевъ вышли отсюда со своимъ паремъ. Увѣнчавшись, они спѣшили на пиръ, уготованный для нихъ отчизной, и, зная, что раздѣлять вечернюю трапезу съ Аидомъ, въ послѣдній разъ расчесали и умастили свои волосы въ храмѣ Ликурга. Потомъ, подвявъ щиты и ударяя о нихъ мечами, съ гимномъ Тиртея на устахъ и среди пляшущихъ жевщицъ они скрылись въ алыхъ лучахъ зари. И теперь, конечно, высокія травы тѣснины уже щекочутъ ихъ голыя ноги, точно земля, которую они готовятся защищать, хочетъ на прощанье приласкать своихъ дѣтей, прежде чѣмъ она откроетъ для нихъ свое священное лоно. На утро вѣтеръ донесъ до Спарты

*) Ранѣе было напечатано въ «Contes cruels». Изд. Кальманнъ Леви, потомъ вошло въ изд. Демана «Histoires souveraines». Брюссель. 1899.

стукъ мечей, и эхо побѣдныхъ кликовъ подтвердило спутанный лепетъ пастуховъ.

Два раза отступали персы, и среди неслыханнаго погрома они оставили поверхъ земли десять тысячъ безсмертныхъ.

Локрида видѣла побѣду. Эссалия поднималась. Пробуждались даже Оивы, а Аеины слали войско и, по знаку Мильтіада, ихъ ряды поспѣшно одѣвались кольчугами. Семь тысячъ воиновъ стояло наготовѣ за спартанской фалангой.

Но вотъ среди побѣдныхъ хоровъ и моленій въ храмѣ Артемиды пять эфоровъ, выслушавъ послѣдняго герольда, молча переглянулись.

Безъ минуты промедленія совѣтъ старѣйшихъ объявилъ городъ на осадномъ положеніи, и спартанцы стали наскоро возводить окопы. Прежде городу бывало довольно спартанскихъ щитовъ.

Тѣнь застала веселье. Уже болѣе не давали вѣры розказаньямъ пастуховъ, и всѣ эти великолѣпныя извѣстія какъ-то сразу потускнѣли и стали пустыми баснями.

Содрогнулись суровые жрецы, и пламя треножниковъ затрепетало на воздѣтыхъ рукахъ авгуровъ, творящихъ заклинанія богамъ преисподней. Шопотомъ изъ устъ въ уста переходили отрывочныя слова и получали грозный смыслъ. И дѣвушкамъ приказали уйти, такъ какъ надо было назвать измѣнника. И ихъ длинные покровы задѣвали илотовъ, которые напившись чернаго вина, лежали поперекъ ступеней портика; дѣвушки наступали на нихъ и не замѣчали лежащихъ.

Тогда прозвучала отчаянная вѣсть. Глухая фокидская тропа открыта врагу. Мессенскій пастухъ продалъ Элладу. Эфіальтъ предоставилъ Ксерксу собственную мать. И уже персидскіе всадники въ челѣ которыхъ сверкали золотые панцири сатраповъ, покрывали землю богговъ и попирали грудь, вспоившую героевъ. Прощайте храмы и вы жилища предковъ, и вы священныя поля! Эти люди сейчасъ будутъ здѣсь и, изнѣженные и блѣдные, будутъ отбирать себѣ рабынь изъ твоихъ дочерей Лакедемонъ!

Казалось, ужасъ возрасталъ отъ самаго вида горы, пока граждане толпились на стѣнѣ. Вѣтеръ жалобно вылъ въ ущельяхъ и среди ямъ, а ели гнулись и трещали, мѣшая свои нагія вѣтви, точно спутанные волосы на головѣ, запрокинутой отъ ужаса.

Горгона перебѣгала за тучами и, казалось, что ихъ вуали по временамъ облегаютъ ея страшное лицо. А толпа раскрашенная пожаромъ, стѣснившись въ амбразурахъ стѣны, точно дивилась суровому отчаянію земли передъ небесною угрозой.

Но всѣ эти суровоуетные мужи осудили себя на строгое молчаніе въ виду присутствія дѣвушекъ. Не надо было волновать дѣвичью грудь и мутить дѣвичью кровь, обвиняя эллина передъ будущими матерями. Спартанцы берегли своихъ будущихъ дѣтей.

Между тѣмъ, ветерпѣніе, обманутыя ожиданія, недостовѣрность са-

мага несчастья дѣлали томленіе все болѣе и болѣе невыносимымъ. Каждый точно старался сгустить краски грядущаго, и близость разрушенія стѣнъ казалась спартамъ неизбѣжной.

О, конечно, первые вражескіе отряды появятся еще сумерками.

Иные видѣли даже, какъ отблескъ персидской конницы пересѣкаетъ горизонтъ, видѣли колесницу Ксеркса.

А жрецы, насторожившись, различали клики, которые несутся съ сѣвера, не замѣчая того, что вѣтеръ южныхъ морей съ шумомъ клубилъ ихъ плащи. Подкачивали и наставляли машины, нацѣпляли скорпионы, около колесъ грудами сбрасывали копья.

Дѣвушки раскладывали костры, чтобы варить смолу, а ветераны одѣлись въ ржавые доспѣхи и, скрестивъ руки, прикидывали въ умѣ, сколькихъ они еще уложатъ, пока не придется улечься самимъ; ворота должны были замуровать, потому что Спарта не хотѣла сдаваться, даже въ случаѣ штурма. Подсчитывали припасы, женщинамъ предписывалось самоубійство; тамъ и сямъ, еще дымясь, валялись внутренности жертвъ, и надъ ними наклонялись внимательныя лица.

Такъ какъ спартамъ разсчитывали не уходить со стѣнъ и ночью, на случай внезапнаго нападенія, то человѣкъ, по имени Ногаклъ, который былъ приставленъ отъ государства варить пинцу для караула, тутъ же, на брустверѣ, дѣлалъ свое дѣло. Онъ стоялъ, низко наклонившись надъ огромнымъ чаномъ, и тяжелымъ каменнымъ пестомъ разминалъ зерна въ густо посоленномъ молокѣ; но и онъ былъ разсѣянъ, то и дѣло поглядывая на гору.

Повсюду чувствовалось напряженное ожиданіе. Шопотомъ начинали даже порочить воиновъ Леонида. Отчаяніе толпы всегда чревато клеветой, и братья тѣхъ самыхъ людей, которые не побоялись изгнать Аристиду,Themistocle и Мильтиада, не могли теперь, не впадая въ ярость, выдерживать тревоги ожиданія.

Только старухи недоувѣрчиво покачивали головами, заплетая свои длинныя бѣлыя косы. Онѣ были спокойны за своихъ дѣтей и сохраняли зловонную самоувѣренность волчицъ, которыя уже откормили.

Вдругъ потемнѣло небо... только не отъ ночныхъ тѣней. Откуда-то, съ далекаго, невѣдомаго юга, появилась неисчислимая стая вороновъ.

Когда птицы пролетали надъ Спартой, ихъ голоса звучали дикою радостью, и казалось, что онѣ заполнили все небо и отняли у людей весь его свѣтъ.

Но вотъ ряды ихъ унижали деревья священныхъ рощъ, опоясавшихъ Тайгетъ. Вороны засѣли тамъ, зоркіе и неподвижные, повернувъ на сѣверъ свои клювы и горящіе зрачки.

Тогда поднялись людскіе вопли, и громъ проклятій посыпался на зловѣщихъ.

Захрипѣли катапульты и изрыгнули цѣлыя тучи камней, и камни

свистѣли и пѣли на всѣ лады, передъ тѣмъ, какъ со звономъ и трескомъ ворваться въ лѣсную чашу.

Но даромъ только судорожно сжатые кулаки и цѣлый лѣсъ вздѣтыхъ къ небесамъ рукъ, стремился спугнуть вороновъ. Казалось, они застыли, околдованные священнымъ ароматомъ павшихъ воиновъ и не ворохнутся съ черныхъ вѣтокъ, которыягнулись отъ ихъ тяжкаго груза.

Молча содрогнулись матери передъ этимъ знаменіемъ. Очередь тревоги дошла и до дѣвушекъ. Имъ роздали священные клинки, которые въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ оставались невидимо висѣть въ храмахъ. И онѣ спрашивали: «Для кого эти мечи?» И ихъ взоры, еще нѣжные, переносились съ мерцающихъ обнаженныхъ мечей къ холодному блеску отцовскихъ глазъ. Но онѣ встрѣчали только почтительныя улыбки; ихъ еще оставляли въ невѣдѣніи—лишь въ самую послѣднюю минуту скажутъ имъ, что эти мечи предназначены для нихъ.

Вдругъ раздались дѣтскіе крики. Дѣтскіе глаза раньше всѣхъ различили вдали какую-то точку, и, дѣйствительно, тамъ, съ опустѣлой и уже синѣющей вершины быстро спускался къ городу бѣглець, точно погоняемый вѣтромъ. Всѣ взоры приковались къ его очертанію. Онъ приближался, низко опустивъ голову, и опирался рукой на палку, которую, должно быть, срѣзалъ самъ гдѣ-нибудь по дорогѣ, и которая теперь помогала его бѣгу, направленному прямо на городскія ворота. Вотъ онъ вступилъ въ полосу, освѣщенную послѣдними лучами солнца, и теперь можно было даже различить длинный плащъ, обмотанный вокругъ его тѣла.

Повидимому, онъ падалъ по дорогѣ, потому что его одежда была вся въ грязи, какъ и его палка. Но это не могъ быть солдатъ, такъ какъ съ нимъ не было щита.

Мрачное молчаніе шло навстрѣчу призраку.

— Изъ какой объятаго ужасомъ земли направлялся его бѣгъ?

О тяжелое знаменіе!

— Такое бѣгство недостойно мужа... Что ему надо?

— Убѣжища?.. Или за нимъ погоня... персы?.. Какъ?.. Уже...

Умирая, косою лучъ освѣтилъ фигуру бѣглеца цѣликомъ съ головы до пятъ. На немъ были кованныя поножи.

Цѣлая буря ярости и стыда закружила мысли зрителей. Забыли даже о присутствіи дѣвушекъ. Да и сами дѣвушки, поблѣввъ, какъ лиліи, получили какой-то зловѣщій отпечатокъ.

И вотъ оцѣпененіе и ужасъ выжали изъ устъ страшное слово. Это былъ *спартиатъ*. Это былъ одинъ изъ трехсотъ. Теперь его узнавали... Да... это онъ... Спартанецъ, бросившій щитъ... Какъ?.. Значить, они бѣгутъ... И другіе?.. Тѣ?.. Избранники?.. Мучительный страхъ судорогой проходилъ по лицамъ. Этотъ человѣкъ открывалъ глазамъ картину пораженія... Зачѣмъ же далѣе отвертываться отъ

ужаснаго призрака? Они бѣжали... Всѣ... Этотъ только опередилъ другихъ... Тѣ прочіе могутъ показаться каждую минуту. А по пятамъ за ними, конечно, гонятся конные персы... И, приставивъ руку къ бровямъ, поварь объявлялъ окружающимъ, что онъ уже различаетъ въ туманѣ фигуры воиновъ Леонида.

Но вотъ одинъ крикъ ярко выдѣлился изъ смутнаго гула... Его испустили старикъ и высокая женщина. Закрывая свои, отнынѣ навѣкъ опозоренныя лица, они произнесли только два ужасныхъ слова: «Мой сынъ». И это вызвало цѣлый ураганъ. Отовсюду на встрѣчу бѣглецу поднимались сжатые кулаки.

— Ты ошибся. Поле битвы не здѣсь.

— Не такъ быстро. Побереги силы.

— А почему щиты на персидскомъ рынкѣ? Что дали тебѣ за мечъ?

— У Эфіальта много денегъ.

— Гей... ты... Не забирай вправо. Ты осквернишь кости Пелопы, Геракла и Полидевка. Какая низость! Ты тревожишь тѣнь великаго предка. Развѣ онъ долженъ гордиться тобою?

— Ужъ не Гермесъ ли, скажи, отдашь тебѣ свои крылатые башмаки? Клянусь Стиксомъ, ты будешь первымъ въ Олимпіи.

Но воинъ, казалось, не слышалъ этихъ словъ. Онъ продолжалъ бѣжать по направленію къ городу.

Это еще болѣе обозлило толпу. Брань становилась все' ужаснѣе. Дѣвушки, оцѣпенѣвъ, не сводили съ бѣгущаго глазъ.

Жрецы кричали ему:

— Низкій! Посмотри на себя. Ты весь въ грязи... Или, вмѣсто того, чтобы цѣловать родную землю, ты кусалъ ее?

— Какъ? Онъ направляется къ воротамъ. Нѣтъ, никогда! Клянусь Аидомъ, ты не войдешь сюда.

И цѣлый лѣсъ рукъ вставалъ передъ нимъ высокой оградой.

— Назадъ!.. Тебя ждетъ яма... Нѣтъ, скорѣе...—Назадъ! Мы не хотимъ твоей крови даже для нашей ямы.

— Воротись назадъ... туда, гдѣ бьются...

— Опомнись... Тѣни героевъ обступаютъ тебя.

— Персы приготовили для тебя цвѣты и лиры... Ступай пировать съ ними, рабъ!

При этихъ словахъ дѣвственныя дочери Лакедемона низко опустили головы и, сжимая мечи, которые когда-то, вѣка тому назадъ, украшали свободныхъ царей, — онѣ молча плакали. И ихъ благородныя слезы, какъ драгоценныя камни, усыпали суровые клинки. Теперь онѣ все поняли и обрекали себя смерти за отчизну.

Но вотъ изъ ихъ толпы выдѣлилась одна, и ей очистили путь до самаго края стѣны: это была нареченная невѣста бѣглеца.

— Не смотри, не смотри, Симеида!—удерживали ее подруги.

Но она нацѣлилась и швырнула камнемъ въ изнемогавшаго человѣка.

Камень попалъ въ него. Онъ поднялъ глаза и остановился. Онъ весь дрожалъ мелкой дрожью, но черезъ минуту голова его опять упала на грудь.

Онъ будто грезилъ... Только о чемъ-же?..

Дѣти съ любопытствомъ разглядывали загрязненнаго человѣка, и матери тихо говорили имъ что-то, указывая на него пальцами.

Огромный и воинственный поваръ остановилъ свою стражню и выпустилъ изъ рукъ пестъ. Священное негодование заставило его забыть объ обязанностяхъ: отступивъ отъ чана, онъ свѣсилъ за амбразуру стѣны. Потомъ, собравшись съ духомъ и надувъ щеки, старый воинъ съ силою плюнулъ по направленію къ бѣглецу. И случайный вѣтеръ, точно сговорившись съ его священнымъ гнѣвомъ, прилѣпилъ къ бѣлому лбу несчастнаго комокъ позорной пѣны. Повару стали рукоплескать. Да, это была настоящая месть.

А солдатъ тяжело опирался на палку и теперь, не отрывая глазъ, смотрѣлъ прямо въ городскія ворота.

И вотъ, по знаку начальника, тяжелая дверь захлопнулась передъ нимъ, и мѣдная полоса соединила два каменныхъ выступа стѣны.

Тогда передъ этой, навсегда закрытой для него святыней, бѣглецъ упалъ навзничъ, тѣло его выпрямилось по склону горы.

Спустились сумерки и стая вороновъ хлынула на упавшаго: на этотъ разъ общее одобреніе встрѣтило черныхъ гостей,—и въ одинъ мигъ гробовая пелена вороной стаи скрыла лежащаго отъ поруганій человѣческой толпы.

Потомъ пала вечерняя роса и смочила вокругъ него пыль. На зарѣ отъ человѣка оставались только разбросанныя кости.

Такъ умеръ во славу,—можетъ быть, единственной, которой завидуютъ боги,—умеръ, набожно смеживъ вѣки, чтобы видъ дѣйствительности никакой суетной печалью не смутилъ для него высокаго образа отчизны, который жилъ въ его сердцѣ,—такъ умеръ, не разжавъ губъ и сжимая въ рукѣ пальму, заразы и погребальную, и побѣдную, едва отдѣленный отъ породившей его грязи пурпуромъ собственной крови, царственный вѣстникъ побѣды трехсотъ. Когда онъ былъ раненъ на смерть, товарищи убѣдили его, бросивъ въ Термопильскій потокъ его мечъ и щитъ, отдать послѣднія силы для спасенія Спарты. Такъ исчезъ въ смерти, почтенный или нѣтъ отъ тѣхъ, за кого онъ погибалъ, посолъ Леонида.